

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'37:82-311.6

ВЕКТОРЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА «ЧУДО» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV–XVII ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ)

Валеева Л. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: lv_valeeva@mail.ru

В статье систематизирована и описана семантика одного из важнейших концептов картины мира русского человека XV–XVII вв. Концепт «чудо» формируется на основе сакрального мировосприятия и имеет векторы семантического развития, связанные с заступничеством, спасением, предвидением, доказательством Благоволения, праведности и законности действий русских воинов. Особое место в становлении концепта занимают протосемантика лексемы, восходящая к сенсорно-перцептивному восприятию с помощью слуха и последующей синтезис со зрительными ощущениями, формирование эмоционально-оценочной сферы концепта и ее интерпретационных возможностей. Семантика концепта включает знаки и знамения, отсылающие к древнему языческому миропониманию, при этом отмечается замена слова *чудо* на близкие по значению. Устанавливаются новые семантические связи с важными для русского человека качествами, такими как храбрость. Семантическое развитие объясняется культурными и политическими особенностями XV–XVII веков, представленными в древнейшем и самом распространенном жанре русской средневековой литературы – воинской повести. В исследовании представлены результаты анализа языка «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» Нестора-Искандера (XV в.), «Казанской истории» (XVI в.), «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» (XVI в.), «Сказания Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» (начало XVII в.).
Ключевые слова: чудо, концепт, семантика, русская языковая картина мира, воинская повесть, XV–XVII вв.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы Современная лингвистика интеграционного типа ориентирована на динамические процессы и учитывает историческую преемственность ключевых понятий национальных культур. В этом ряду особую роль играют концепты, соединяющие области сакрального и обыденного и обладающие экзистенциальной значимостью для формирования национальной картины мира. Несмотря на активную разработку концептологической проблематики, вопрос о постоянстве и изменчивости семантических составляющих

ключевых концептов культуры в условиях поступательного развития языкового общества, изучен недостаточно.

Объектом исследования является концепт «чудо» в русской языковой картине мира XV-XVII вв. Это период, когда Московское государство становится единым централизованным государством, на его территории создаются благоприятные условия для развития христианства, и церковь начинает пользоваться полной поддержкой светской власти.

Материалом исследования послужили воинские повести, так как именно этот жанр отражает столкновение обыденности и духовной жизни, земного с небесным.

Анализ литературы Законы кодирования и трансформации концептуального смысла действуют на всех этапах становления концепта и согласуются с вещами, событиями, явлениями, окружающими человека в повседневной жизни конкретной культурной эпохи. С. Г. Воркачев отмечает, что безличное и объективистское в концепте авторизуется относительно этносемантической личности, под которой понимается базовый национально-культурный прототип носителя этого языка [4]. Заслуживает внимание характеристика, данная концепту Д. С. Лихачевым. Ученый утверждает, что концепт является результатом столкновения усвоенного значения с личным и народным опытом говорящего. И так как охватить значение во всей его сложности человек не успевает или не может, то по-своему интерпретирует его. Таким образом преодолевается несущественное, служащее помехой при общении и раскрываются потенции концепта [10].

Анализ значительного корпуса представлений и иллюстраций концепта (исследования Н. Д. Арутюновой, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, Р. И. Павилениса, Е. В. Рахилиной, Г. Г. Слышкина, Ю. С. Степанова, Г. В. Токарева и др.), показал, что концепт выполняет задачу хранителя и выразителя культурной памяти в языке и в то же время создает эффект «симультанного контраста», то есть порождает дополнительные знания и впечатления [3].

Тезис о преемственности элементов в семантической структуре концепта наряду с их ростом и дифференциацией качественных преобразований развивают

отечественные ученые, представляя алгоритмы изучения культурных доминант. Ю. С. Степанов говорит о «слоистом» строении концепта. Концепт складывается из слоев различного времени происхождения. Звеньями его эволюции являются стадии концепта, или форма и содержание концепта в разные эпохи. Чтобы понять сущность концепта, надо вскрыть особые отношения преемственности, благодаря которым нечто из старой стадии становится знаком в его новой стадии [17]. Диахронный аспект изучения концепта регламентирует исследовательский материал, в результате эмпирической базой для описания семантической эволюции ключевой лексемы, как правило одноименной с концептом, становятся художественные и публицистические тексты рассматриваемого периода.

Жанр воинской повести был известен в XI-XVII веках. Это наиболее распространенная жанровая форма, в которой рассказывается о событиях, важных для исторической судьбы Руси. В исторических повествованиях изображались воинские подвиги, сражения, давалась оценка военных событий, осмысливались истоки беззаветной преданности и беспримерной храбрости русского человека. Исследователи древнерусской литературы утверждают, что, хотя жанр воинской повести традиционно относится к светской литературе, его отличает богатство религиозной тематики. А. В. Петкевич пишет, что богатство тематики воинской повести обусловлено соединением в ней двух стихий: нового христианского мировоззрения и наследия языческого прошлого. Они не враждуют, но рождают развивающееся понимание воинского подвига, совмещающего в себе житийную и героическую традиции. «Воин наделяется одновременно святостью и мужественной доблестью. \diamond Стяжение славы соединяется со стремлением к святости» [16]. Н. В. Трофимова в логико-хронологическую структуру летописного воинского повествования включает молитвы, видения, чудеса. Так, молитва князя перед боем, как и знамение, предвещающее победу, в произведениях позднего средневековья становятся характерной частью жанра воинской повести [18]. А. И. Кузьмин обращает внимание на то, что в воинских повестях «описание битвы и ее исход чаще всего представлялись с вмешательством бога» [8, с.16]. Включение Божественной силы объясняется особенностями средневекового мышления. Во-первых, с приходом

христианства устанавливаются каноны подвижничества. Доказательство храбрости воина уступает место иному побуждению к подвигу: смерти за веру, самопожертвованию. Во-вторых, непоколебимая вера в победу сохранялась, даже если военачальника и войско преследовали неудачи и поражения, так как отступление или плен трактовались как Божье наказание за грехи.

Одним из ключевых концептов, вербализующих средневековое мышление, является «чудо». В его семантике сосредотачивается все, представляющее нарушение естественного порядка вещей и способствующее укреплению веры. Чудо не требует каких-либо доказательств, так как оно не может быть, но происходит. Двойственность чуда, его сверхъестественность постепенно закрепляется в языковых формах и создается система специфических средств репрезентации концепта, являющихся системой доказательств для всего парадоксального и необычного. Анализ современной лингвистической литературы показал, что исследования концепта «чудо» связаны с реализацией концепта в паремийном фонде русского и смежных языков [1], с его репрезентацией в русской народной волшебной сказке [7].

Цель статьи – выявить особенности семантики концепта «чудо» в языковой картине мира русского человека позднего средневековья на материале текстов воинских повестей XV-XVII вв. В ходе исследования необходимо систематизировать существующие гипотезы о происхождении ключевой лексики, исследовать протосемантику слова и палитру его значений; изучить контекстуальные значения лексики в текстах воинских повестей XV-XVII вв. и представить семантические доминанты концепта «чудо» этого периода; выявить преемственность семантических компонентов в структуре концепта, учитывая лексикографические данные русского языка.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В отечественной компаративистике можно обозначить основные направления в решении вопроса о прототипической семантике рассматриваемого концепта.

Первое направление (Э. Бенвенист, Ю. С. Степанов, М. Фасмер, П. Я. Черных) сближает слово *чудо* с трехфазовой моделью, состоящей из компонентов *слышать* – *славить* – *слыть*. Семантическое единство устанавливается этимологической общностью старославянского слова *чудо* и его греческого аналога в значении «воинская слава, триумф». Э. Бенвенист в резюме к статье о магической власти пишет, что греческое *kûdos* считают синонимом *kleos* («слава»). Оно обозначает «неотразимую магическую власть, удел богов, которые иногда уступают ее какому-либо герою по своему выбору и тем делают бесспорным его триумф» [2, с. 277]. Это слово применительно к простым смертным толкуется, как взять у богов *kûdos*, а затем с помощью этого талисмана покрыть себя славой. Единство формы греческого слова и реконструированной праформы **kudo* – *čudo* указывает на общее для двух слов значение «сверхъестественная сила». Ю. С. Степанов объединяет семантические поля концептов «слух», «слава», «слово», «чудо», «голос», «весть» (*знание*) с их специфическими коннотациями общностью реконструированной праформы [18]. Для сравнения исследователь приводит варианты праформы слова *чудо* **kudo* (**keu+do*) и праформу слова *ведать* (*весть*); ст.-сл. *вѣдѣти* – **ueid*.

Второе направление (Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; А. К. Шапошников) обращается к деривационным процессам. *Чудо* считается суффиксальным образованием от *чутти* (внимать, слышать, ощущать), включающим морфему *-д-*, по реконструированному глаголу ** keu-i* «замечать, внимать, остерегаться» [20, с. 531].

Третье направление (Г. П. Цаганенко) исходит из семантики и.-е. **keudos* / *koudos* «диво» и последующего формального параллелизма с *чудо* и *кудесник*. Позднейшие образования сохраняют семантику удивления, как, например, глагол *чудить* или прилагательное *чудный* «странный, вызывающий недоумение» [19, с.487–488]. Прилагательное *чудесный* «дивный, прекрасный», представляющее мелиоративную лексическую группу, свидетельствует о трансформации значения

В результате анализа реконструированных форм можно сделать вывод, что прототипическое значение концепта «чудо» опирается на сенсорно-перцептивный процесс, в основе которого восприятие с помощью органов слуха (генетическое

родство с языковыми знаками *слышать, слово, слыть, внимать, чути*). Декодирование онтологической сущности ключевой единицы концепта позволило обосновать его дальнейшее семантическое развитие. Оценка зрительно не подтвержденной ситуации, явления, предмета превращает субъект речи в источник и интерпретатор информации. Формируется эмоционально-оценочная сфера новых значений концепта: от неумения объяснить до несоответствия ожидаемому (такие значения использует В. И. Даль [5, с.1370]). Сема «необычность» интенсифицируется до «сверхъестественное», «сказочное», и слово *чудо* закрепляется в языке как полисемантическая единица. В. И. Карасик выделяет содержательный минимум концепта «чудо» как «нечто необычное, небывалое, сверхъестественное, вызывающее удивление и восхищение» [6, с.204]. Ученый считает, что конкретизация этого концепта в языке осуществляется в двух направлениях: 1) неконтролируемость и необъяснимость чуда, 2) эмоциональное отношение к чудесному явлению – от ужаса до восторга. В. И. Карасик говорит, что фрейм чудесного явления строится как образ ситуации, в центре которой находится очевидец, переживающий реальность необъяснимого явления.

Таким образом, эволюция концепта сопровождается существенными изменениями его внутренней формы. Семантической основой концепта становится синтезия зрительных и слуховых ощущений, что отражается на синтагматических свойствах слова: *видеть чудо - видение*. При этом принцип объективированности факта подменяется констатацией социально-психологической ситуации.

Последующее развитие концепта соответствует типу и качеству мировоззренческих установок носителя языка конкретной эпохи. «Чудо» признается богословским понятием и объясняется непосредственным вмешательством силы Божества. Сакрализация концепта «чудо» проявляется на собственно языковом уровне, например, исчезает антонимический ряд ключевой лексемы. В словарях антонимов М. Р. Львова нет словарной статьи на слово *чудо* [11].

В текстах Киевской и Московской Руси отмечается психологическая зависимость русского человека от вмешательства чудесной силы. Д. С. Лихачев наблюдает обязательное присутствие чудесного элемента и в агиографической

литературе, и в литературе о купцах. «В агиографической литературе чудо – вмешательство Бога, восстанавливающего справедливость, спасающего праведника, наказывающего провинившегося. В литературе о купцах чудесный элемент часто – чародейство. Это чародейство иногда не может осуществиться, а иногда сводится на нет усилиями героя или вмешательством божественной силы. Чудесный элемент – это и вмешательство дьявола, злой силы, тогда как в житиях ему противопоставит вмешательство Бога» [9, с. 425].

Воинские повести характеризуются синкретичным способом обобщения материала повествования: реально-историческая канва событий включает элементы легендарного и идеализирующего. В XV –XVII вв. сюжет усложняется цепочечной композицией, звенья которой становятся самостоятельными микросюжетами, и глубокой и разносторонней разработкой образов персонажей, что «привносит в воинскую повесть новые композиционные элементы и художественные приемы других жанров, способствующие усложнению и обогащению художественной картины мира» [18, с. 113].

В сюжетном построении «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» Нестора-Искандера (XV в.) концепт «чудо» имеет типичные семантические репрезентации. Патриарх и священники, молясь Богу, прося его о спасении, говорят: *Свобода по множеству милости твоеа, и изми нас по чудесам твоим, и даждь славу имени твоему, да посрамяться врази твои...* [12, с.246]. Семантика спасения, избавления, заступничества преобладает в структуре концепта и организует целостность текста русской воинской повести.

В повести важным композиционным элементом является знамение, предсказывающее судьбу: *«...И се нынѣ пакы ино знамение страшно бысть.... И се знаменуеть, яко милость божиа и щедроты его отъидоша от нас, и хоцет бог предати град нашъ врагом нашим». И тако прѣдстави ему онѣх мужей, иже видѣша чудо, и яко услыша цесарь глаголы их, падѣ на землю яко мертвъ и бысть безгласен на много час* [12, с. 244]. Слово чудо используется как полный синоним слову знамение. Данная репрезентация концепта «чудо», как «страшного» знамения, предвещающего гибель города, взятие его иноплемениками, представляется нам как

нетипичная для периода XV-XVI вв. Реализация очень редкая, но позволяющая судить о статусе концепта, свободно контактирующего с языковыми оценками широкого диапазона.

«Казанская история» или «История о Казанском царстве» – сочинение второй половины XVI века, рассказывающее о взаимоотношениях Московского государства и Казанского царства. Это произведение по праву связывают с «Повестью о взятии Царьграда турками в 1453 году» и определяют как историческое сюжетное повествование с жанровыми элементами летописи, хронографа и воинской повести.

В этом тексте наблюдаются частотные реализации концепта «чудо» с семантикой помощи от врагов, прославления, исцеления, спасения: *и разумѣють все дивная его чудеса и великие милости, еже подаютъ истиннымъ и вѣрнымъ работъ своимъ[13, с.300];* или *Многа тогда быша изцеления от иконы великаго чудотворца Сергия...; и бѣсы изгоняя, и от плѣна из Казани избавляше, и всяк недуг изцелеваше данную ему от бога благодатию.....также и блаженный нашъ Сергий чудотворецъ благими своими знаменми и чудесы украси и прослави новый градъ его...[13, с.392].* Языковые употребления *дивныя чудеса и великие милости; благими своими знаменми и чудесы украси и прослави* характерны для письменных памятников средневековья и иллюстрируют ожидания и надежды, подкрепленные верой в Божью милость и помощь Господа в борьбе Ивана Грозного с иноверцами.

В главе «О поставлении в Казани архиепископа и похвала Христу Богу нашему» прославляются чудеса, сотворенные Богом: *и ни едино же есть слово доволно наше к похвалению чудес твоих!* или *Слава единому Богу нашему, творящему дивная и преславная чудеса, еже видѣста очи наши! ...[13, с.538].* Концепт «чудо» включает все победы и достижения, случившиеся с русскими на татарской земле, и демонстрирует мощь и бесстрашие русских людей: военные удачи, заселение Казани православными, создание храмов, «поставление» архиепископа и, конечно, предсказания победы.

Составитель «Истории» выносит в названия глав произведения основные события, о которых будет идти речь. В 32 главе «О бѣсе, творящемъ мечтание предъ человеки, живущими во градѣ» [13, с.400] показателен факт подмены слова чудо на

близкое ему по значению, если речь идет не о Божественном, а о бесовском. Бес творит *мечтание*, когда исцеляет от недуга или топит лодки в реке. Предсказания беса передаются через волхвов и жрецов и изображаются соблазном или даже обманом.

В «Казанской истории» многие события связываются с чудесным. Глава 70 называется «*Чудо святых апостоль и святаго Николы, како явишася на воздухе и благословиша землю ону и град Казань, да вселятся в нем православнии христиане*» [13, с.498] Для средневекового сознания важно знать, что божественные силы поддерживают русских воинов, особенно тогда, когда на твоей земле грозит опасность и войска твоего народа осаждают чужой город.

Одно из чудес представляет собой явление двенадцати апостолов и святого Николая спящему раненому воину для благословения города и сообщения, что на этой земле будут жить православные христиане. Следующая глава имеет такое же характерное название «*Чудо второе святаго Николы*». Это чудо также связано со сном. Третье чудо совершает преподобный отец Сергей. Во всех трех случаях чудо включено в сновидение. Обращает внимание, что *чудеса* не явные, не видимые для группы людей. Указание на *чудо* больше похоже на самовнушение, с помощью которого преодолевается страх и поддерживается вера в собственные силы, в победу; утверждается единая мысль: Бог с нами и скоро мы возьмем Казань. Таким образом, в воинской повести иррациональное тесно переплетается с мирским. Желание сохранить жизнь и победить порождает сновидения, предсказывающие скорую победу. Эти сновидения становятся проводниками *чудесного*, так как предсказателями победы являются великие апостолы, святой Николай, преподобный отец Сергей – важнейшие, ключевые фигуры русского православия. Можно сделать вывод, что концепт «чудо» отражает нормы христианского мировоззрения и представлен компонентом «сон-предсказание», слово *чудо* служит сигналом для прочтения микросюжетной ситуации.

Во второй половине XVI века была создана «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», составленная, как и «Казанская история», очевидцем событий. В языке повести концепт «чудо» служит ориентиром правильного порядка

вещей [14, с.13]. Концепт сохраняет доминантное для христианства значение – сопричастность к Божьему промыслу. В повести сосуществуют два типа языкового оформления общего семантического компонента. В одном случае он формирует семантику сложных образований и выступает в качестве структурного элемента: *чудотворный (и припадает к пречистой богородицы чудотворныя иконы в подножие на мрамор помоста церковного [14, с.404]) , чудотворец (молитвами и молением пречистыя богородица, честнаго и славнаго ея Рожества, и всѣх святых великихъ чудотворцовъ того же дни спасень бысть великий град Псковъ [14, с.450])*. Языковая форма является подтверждением, что всегда рядом есть исполнитель чуда (*чудотворец*) и свидетельство чуда (*чудотворный*). В другом случае в качестве текстового элемента слово *чудо* обозначает сам процесс свершения чуда.

Для русского человека важно знание безграничного могущества Бога и святых. В повести рассказывается о том, что священники молили Бога об избавлении Пскова от литовских нападений, подходили к пролому в стене с крестами, чудотворными иконами и мощами и совершали молебны. А литовские воины метали в них камни. Однажды камень попал в чудотворный образ великомученика Дмитрия Солунского. Жители города стали молить святого, чтобы он избавил город от врагов своей молитвой, как некогда помог Александру Невскому в битве на Чудском озере. «...*Так и ныне, святой Дмитрий, яви милость свою и избавь нас и град наш Псков от враг наших, злогордыя литвы*». *Что же сие чудо, како молчанию предадим? Но и сие милосердие божие требь объявити [14, с.460]*). И чудо на следующий день свершилось: в тот же день оказавшийся в городе литовский воин показал, где литовцы собираются делать подкопы. Этот эпизод был воспринят как чудо, как помощь божественных сил.

В семантическую структуру концепта включены обоснования, нарушающие природные законы. Временная и причинная обусловленность событий вокруг чуда не соответствует реальным свойствам вещей и явлений, у нее обоснование веры, что является неотъемлемой частью мировоззрения человека того времени. Все происходящее согласуется с духовными правилами и законами, неукоснительными для средневекового человека и становящимися его потребностью.

В историческом тексте XV-XVII вв. доминантной семантики концепта является чудо, сотворенное святыми. В «Сказании Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» (начало XVII в) автор намеренно включает картины «чудес», «явлений», «знамений», которые, по его мнению, являются доказательством особого покровительства небесных сил Троице-Сергиева монастыря и всей Русской земли.

Уже в предисловии автор говорит о том, что все, описанное им, вершилось по божьему промыслу, божьей милостью чудесами святых: *преславно и велику милость показа намъ Богъ нашъ, пресвятая и пребезначалная Троица, – превеликое же и паче всякого слова и смысла бывше заступление матере Слова божия, по обѣщанию своему преподобному игумену Сергию чудотворцу, и неотступное ея пребывание от обители его, и от коликих золь избави нас господь во обстояние многих вой, молитвъ ради великих чудотворцов ... и колико **чудотворений** показа нам Богъ угодники своими* [15, с.162]

Авраамий Палицын, следуя традициям составителей воинских повестей, помощь в борьбе с врагами и заступничество небесных сил называет *чудесами*. Закрепляется новый репрезентант концепта «чудо» – *чудотворение*. Данная лексема передает новый смысловой оттенок концепта – «сотворенное (или творимое) кем-то явление». Творцами чудес являются святые-чудотворцы, осуществляющие связь между Богом и людьми. В тексте формируется смысловая парадигма: чудотворение – заступничество святых отцов – милость Божья. Например: *И бѣ воистинну **чудно** видѣти милость божью троецкому воинству и заступление и помощь на враги молитвъ ради великих **чудотворцовъ** Сергия и Никона. И сотвори господь **преславная** тогда, и нератницы охрабришася, и невѣжди и никогда же обычай ратных видѣвшие, и ти убо исполинскою крѣпостию препоясашася* [15, с.216]. Появляется еще одна лексема, выражающая концепт, – *преславная (преславное)*.

Как видно, под «чудом» понимается не сон, и не знамение, и не срыв неприятельского плана, а отчетливо различимая помощь. «Чудо» связано воедино с такими важными понятиями для воинской повести, как героизм, храбрость, владение ратным делом и т. д. В семантике «чуда» сливаются два ключевых понятия

мировоззрения русского человека – «храбрость» и «вмешательство божественных сил».

В «Сказании Авраамия Палицына» отмечается тенденция к «материализации» чуда. Автор рассказывает, что чудотворцы сами являются: *около града по поясу ходящих дву старцов – брады шды, свѣтозарны образом, яко быти имъ по образу и по подобию великимъ чудотворцом Сергию и Никону* [15, с.198], и тогда в сражении стрелы, возвращающиеся к стреляющим, извещают о большом чуде.

В повести неоднократно используется мотив сна-знамения как чуда, характерный для более ранних текстов. Однако необычным является расширение семантики данных репрезентаций концепта, так как сон видят не те, кто жаждет знамения, а враги, и для них это – угроза, так как сон знаменует поражение и гибель.

Таким образом, в текстах воинских повестей отмечается тенденция к расширению семантической структуры концепта. Кроме таких устойчивых компонентов семантики «чуда», как *божий промысел, помощь, сон, знамение*, в «Сказании» устанавливается активная смысловая форма чуда – явление (святых отцов, чудотворцев).

ВЫВОДЫ

Семантические векторы развития концепта «чудо» в XV-XVII вв. связаны с сакральным. Это объясняется, прежде всего, культурными и политическими особенностями того времени.

Семантической доминантой «чуда» сохраняется значение «сверхъестественное явление», восходящее к протосемантике концепта и связанное с восприятием действительности с помощью органов слуха. Онтологическая сущность слова *чудо* обосновывается генетическим родством с языковыми формами – «слух, слово, слыть, слава». Последующее развитие семантики концепта отражает замену объективной константы на субъективную, формирование эмоционально-оценочной сферы новых значений, включение в структуру концепта смысловых элементов, связанных со зрением, видением.

Воинские повести XV –XVII вв. (на примере «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» Нестора-Искандера (XV в.), «Казанской истории» (XVI в.), «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» (XVI в.), «Сказания Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря» (начало XVII в) характеризуются синкретичным способом рассказа об исторических событиях, при котором в канву реальных событий включаются элементы идеализации, веры, чуда. Концепт «чудо» тесно связан с христианским мировоззрением и проявляется в следующих смысловых группах.

1. Чудо – это то, что сотворил сам Бог. Активизируется также лексема *чудотворение*, в которой индуцирован акт действия – проводник Божьей воли. В это ряд включены словоформы *чудотворец*, *чудотворный*. К этой группе отнесем устойчивое выражение *божий промысел*.

2. Чудо – заступничество, связанное с молитвой, обращением, и помощью святых отцов: преподобного Сергия, Никона, святого Николая, святого Дмитрия Солунского.

3. Чудо – сны, видения, знаки. Ожидание помощи, вера в покровительство высших сил приводит к тому, что любой благоприятный знак воспринимается как доказательство Благоволения, праведности и законности действий русских воинов.

4. Чудо – это зрительно запечатленное, подтвержденное очевидцами явление людям небесных сил: святых отцов и их учеников.

5. Чудо – это знамение, предвещающее беду. В этом значении семантика концепта восходит к древнему языческому миропониманию.

6. Подмена слова *чудо* близким по значению, если речь идет не о Божественном, а о языческом или бесовском

7. Включение в сакральную семантику концепта одной из основных добродетели русского человека – храбрости.

В воинских повестях XV –XVII вв. наблюдается субъектно устоявшаяся синтагматическая вербализация сакрального значения концепта «чудо»: *чудо видят, о чуде молят, чуда ожидают, видят во сне*.

Перспективным представляется исследование концепта в памятниках письменности светской литературы раннего средневековья и в период становления литературного языка русской нации, а также изучение синтагматических связей ключевой единицы и ее референтов как выразителей концепта «чудо» в разные эпохи развития русского языка.

Список литературы

1. Абашева, Е. М. Концептуальные инверсии: концепт «чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абашева Евгения Михайловна. – Тюмень, 2008. – 23 с.
2. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист; пер. с фр. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
3. Валеева, Л. В. Концепт и мифема как конструкторы языкового пространства культурной памяти / Л. В. Валеева // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2012 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2012» / Под ред. М. Э. Соколова, Г. А. Голубева, В. А. Иванова, В. И. Кузицина, Н. И. Меленко, В. В. Хапаева. – Севастополь: ООО «Экспресс-печать», 2012. – С. 146–148.
4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. № 1. – С. 64–72.
5. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль: под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – Т. 4. – С.-Пб–М.: Изд. т-ва М. О Вольфъ, 1909. – 1619 с.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Карпова, В. В. Изменения в составе языковых средств, репрезентирующих концепт «чудо» в русской народной волшебной сказке / В. В. Карпова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2017. № 2. – С. 77–81.

8. Кузьмин, А. И. Героическая тема в русской литературе / А. И. Кузьмин. – М.: Просвещение, 1974. – 304 с.
9. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 566 с.
10. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
11. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка: более 2000 антоним. пар / М. Р. Львов; под ред. Л. А. Новикова. – М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.
12. Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. А. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1982. – 688 с.
13. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI веков / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. А. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1985. – 638 с.
14. Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. А. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1986. – 640 с.
15. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI века – начало XVII веков / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. А. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1987. – 616 с.
16. Петкевич, А. В. Роль отечественного перевода «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия в развитии жанра воинской повести древнерусской литературы. Аспект жертвенности / А. В. Петкевич [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevn2005.narod.ru/petkevich.htm>
17. Степанов, Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 40–76.
18. Трофимова, Н. В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI–XVII вв.: Курс лекций; Развитие исторических жанров: Материалы к спецсеминару / Н. В. Трофимова. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 208 с.

19. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад.шк., 1989. – 511 с.
20. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: в 2 т. – Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с.

References

1. Abasheva E. M. *Kontseptual'nye Inversii: Kontsept «Chudo» (na Materiale Russkikh i Irlandskikh Poslovits, Pogovorok i Skazok)* [Conceptual Inversions: the Concept of "Miracle" (Based on Russian and Irish Proverbs, Sayings and Fairy Tales)]: PhD Thesis Abstract. – Tyumen', 2008. 23 p.
2. Benveniste E. *Le Vocabulaire des Institutions Indo-européennes*. Translated from French. Moscow, Progress-Univers, 1995. 456 p.
3. Valeeva L. V. *Kontsept i Mifema kak Konstrukty Yazykovogo Prostranstva Kul'turnoi Pamyati* [Concept and Mytheme as Constructs of the Linguistic Space of Cultural Memory]. Materials of Scientific Conference *Lomonosov's Readings* of 2012 and International Scientific Conference of Students, Post Graduate Students and Young Scientists *Lomonosov 2012*. Edited by M. E. Sokolova, G. A. Golubeva, V. A. Ivanova, V. I. Kuzishchina, N. I. Melenko, V. V. Khapaeva. Sevastopol', Ekspress-Pechat' Ltd Publ., 2012. pp. 146–148.
4. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turologiya, Yazykovaya Lichnost', Kontsept: Stanovlenie Antropotsentricheskoi Paradigmy v Yazykoznanii* [Linguoculturology, the Linguistic Personality, the Concept: the Formation of the Anthropocentric Paradigm in Linguistics]. *Filologicheskie Nauki [Philological Sciences]*. 2001. № 1. pp. 64–72.
5. Dahl' V. I. *Tolkovyi Slovar' Zhivago Velikorusskago Yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: Edited by I. A. Baudouin de Courtenay. V. 4. Saint-Petersburg–Moscow, Publishing House of M.O. Vol'f's Partnership, 1909. 1619 p.
6. Karasik V. I. *Yazykovoii Krug: Lichnost', Kontsepty, Diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena Publ, 2002. 477 p.

7. Karpova V. V. *Izmeneniya v Sostave Yazykovykh Sredstv, Rerezentiruyushchikh Kontsept «Chudo» v Russkoi Narodnoi Volshebnoi Skazke* [Changes in the Composition of Language Tools Representing the Concept of "Miracle" in the Russian Folk Fairy Tale]. *Vestnik Vologodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye, Obshchestvennye, Pedagogicheskie Nauki* [Vologda State University Messenger. Series: Humanitarian, Social, Pedagogical Sciences]. 2017. № 2. pp. 77–81.
8. Kuz'min A. I. *Geroicheskaya Tema v Russkoi Literature* [Heroic Theme in Russian Literature]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 304 p.
9. Likhachev D. S. *Istoricheskaya Poetika Russkoi Literatury. Smekh kak Mirovozzrenie i Drugie Raboty* [Historical Poetics of Russian Literature. Laughter as a World Outlook and Other Works]. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ., 2001. 566 p.
10. Likhachev D. S. *Kontseptosfera Russkogo Yazyka* [The Concept Sphere of the Russian language]. *The News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*. Moscow, 1993. V. 52. № 1. pp. 3–9.
11. L'vov M. R. *Slovar' Antonimov Russkogo Yazyka: Bolee 2000 Antonimicheskikh Par* [Dictionary of Russian Antonyms: More than 2000 Antonymic Pairs]. Ed. by L. A. Novikov. Moscow, Russky Yazyk Publ., 1984. 384 p.
12. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: Vtoraya polovina XV veka* [Literary Monuments of Old Russia: The Second Half of the 15th Century]. Edited by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982. 688 p.
13. *Pamyatniki Literatury Drevnei Rusi: Seredina XVI Veka* [Literary monuments of Old Russia: The Middle of the 16th Century]. Ed. by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1985. 638 p.
14. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: Vtoraya Polovina XVI Veka* [Literary monuments of Old Russia: The Second Half of the 16th Century]. Ed. by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 640 p.
15. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI Veka – nachalo XVII Vekov* [Literary monuments of Old Russia: Late 16th – Early 17th Centuries]. Ed. by L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 616 p.

16. Petkevich A. V. *Rol' Otechestvennogo Perevoda «Istorii Iudeiskoi Voiny» Iosifa Flaviya v Razvitii Zhanra Voinskoi Povesti Drevnerusskoi Literatury. Aspekt Zhertvennosti* [The role of the Native Translation of the *History of the Jewish War* by Joseph Flavius in the Development of the genre of the Military Story of Old Russian Literature. Aspect of Sacrifice]. Available at: <http://drevn2005.narod.ru/petkevich.htm>
17. Stepanov Yu. S. *Kontsept // Konstanty: Slovar' Russkoi Kul'tury. Opyt Issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997. pp. 40–76.
18. Trofimova N. V. *Drevnerusskaya Literatura. Voinskaya Povest' XI-XVII vv.: Kurs Lektsii; Razvitie Istoricheskikh Zhanrov: Materialy k Spetsseminaru* [Old Russian literature. Military story of the 11-17th centuries. Course of Lectures; Development of Historical Genres: Materials for Special Seminar]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2000. 208 p.
19. Tsyganenko G. P. *Etimologicheskii Slovar' Russkogo Yazyka: Bolee 5000 Slova* [Russian Etymological Dictionary: More than 5000 Words]. 2nd Edition. Kiev: Radyanska shkola Publ, 1989. 511 p.
20. *Etimologicheskii Slovar' Sovremennogo Russkogo Yazyka* [Etymological Dictionary of Contemporary Russian Language]. Compiled by A. K. Shaposhnikov. In 2 Volumes. Vol. 2. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 576 p.

**VECTORS OF SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE MIRACLE CONCEPT IN
THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 15TH-17TH CENTURIES (ON THE
MATERIAL OF THE MILITARY STORY GENRE)**

Valeeva L. V.

The article systematizes and describes the semantics of one of the most important Russian man view of the world concepts in the 15th-17th centuries. The concept of miracle is formed on the basis of the sacred world view and has vectors of semantic development associated with intercession, salvation, foresight, proof of Goodwill, righteousness and the legitimacy of the actions of Russian soldiers. The proto-semantics of the lexeme plays a special role in the formation of the concept, it goes back to sensory perception with the help of hearing and subsequent synthesis with visual sensations, the formation of the emotional-evaluative sphere of the concept and its interpretative possibilities. The semantics of the concept includes signs referring to the ancient pagan world outlook, while the replacement of the word *miracle* by a close in meaning one is noted. New semantic links are established with important qualities for the Russian people, such as valiancy. Semantic development is due to cultural and political features of the 15th-17thcenturies, represented in the oldest and most common genre of Russian medieval literature – the military story. The research presents the results of the analysis of language of *The Story of the Capture of Constantinople by the Turks in 1453*, *Nestor-Iskander (15thc.)*, *History of Kazan (16th c.)*, *The Story about the Coming of Stefan Batory to the City of Pskov (16th c.)*, *The Tale of Avraamiy Palitsyn about the Siege of the Trinity-Sergius Monastery (Early 17th c.)*.

Key words: miracle, concept, semantic, Russian language picture of the world, the military story, 15th –17th centuries.